

УДК: 93

DOI: 10.25629/НС.2024.04.04

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА КОНЦА 1830-Х – НАЧАЛА 1840-Х ГГ. В НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ (КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ П.Х. ГРАББЕ И М.Ю. ЛЕРМОНТОВ В БЫТНОСТЬ ИХ НА КАВКАЗЕ)

Клевенская Е.С.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые сюжеты Кавказской войны периода конца 1830-х – начала 1840-х гг., связанные в основном с двумя личностями, пребывание которых на Кавказе стало не только важным этапом в их жизни, но и оказало влияние на, с одной стороны, корректировку пути к покорению Кавказа со стороны официального Петербурга и, с другой стороны, на русскую литературу XIX столетия. Речь пойдет о командующем войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанте, генерал-адъютанте (с 1839 г.) П.Х. Граббе (с 1838 по 1842 гг.) и русском поэте М.Ю. Лермонтове в бытность его адъютантом штаба Чеченского отряда (с 1840 по 1841 гг.). В статье особое внимание уделено военным операциям русских войск на Северном Кавказе (в Дагестане и Чечне), подготовка которых осуществлялась по соображениям Граббе, переменам в понимании командующим войсками тактики ведения экспедиций, взаимоотношениям между Граббе и Лермонтовым, которые с течением времени стали доверительными и по несчастью оборвались в результате гибели на дуэли «человека с талантом».

Ключевые слова

Кавказская война, Граббе, Лермонтов, Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, аул Ахульго, Ичкеринская экспедиция, Валерик

Введение

2024 год является юбилейным для многих важнейших событий в мировой истории и, в частности, истории российского государства. В этом году, безусловно, не обойти стороной 160-летие с момента завершения Кавказской войны в 1864 г. покорением Черкесии. Память о данном событии позволяет привлечь больше внимания к проблемам подготовки к войне и ведения боевых действий. С каждым годом появляются новые исследования, рассматривающие известные проблемы с новых сторон на основе ранее неопубликованных материалов. Для контекста данной статьи, которая посвящена Кавказской войне и людям, прошедшим через сражения при аулах Дагестана и в лесах Чечни, важны несколько юбилейных дат: 1789, 1814 и 1864 гг. О последней дате было сказано выше. 1814 год связан с человеком, пребывание которого на Кавказе ознаменовало собой отдельный период в его блистательном литературном творчестве. Речь о М.Ю. Лермонтове. 1789 год относится к личности, занимавшей с 1838 по 1842 гг. пост командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, — к генерал-лейтенанту, генерал-адъютанту (с 1839 г.) Павлу Христофоровичу Граббе. Кавказ, преимущественно Северный (Чечня и Дагестан), в конце 1830-х – начале 1840-х гг., П.Х. Граббе и адъютант штаба Чеченского отряда М.Ю. Лермонтов неразрывно связаны между собой. Переплетение двух судеб на полях сражений, личные переживания, отразившиеся в источниках личного происхождения [2] и литературных памятниках [3], вклад в определение исхода военных действий и российскую литературу определенно обращают на себя отдельное внимание, когда речь заходит о Кавказе и истории военных действий, связанных с присоединением Северного Кавказа к Российской империи.

Общий портрет генерала от кавалерии, генерал-адъютанта графа П.Х. Граббе

Большая часть истории России XIX столетия прошла об руку с войной на Кавказе. Долгая и затяжная война запомнилась огромными тратами бюджета, большим по меркам Кавказа количеством вышедших из строя раненых и погибших и, наконец, самим своим уникальным фронтом боевых действий, который отнюдь не походил на преимущественно равнинную Европу с привычным русскому человеку климатом. Так, например, только в период одних Ичкеринских сражений, проходивших с 30 мая по 5 июня 1842 г., убито 9 офицеров и 477 человек нижних воинских чинов, ранено — 57 офицеров и 1121 человек из нижних чинов [4, Л. 40 – Л. 40 об.].

Многие офицеры, отличившиеся на Кавказе, выросли на полях сражений в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813–14 гг. Планы и тактики, применяемые для европейского театра сражений, совсем не годились для кавказской реальности. Можно сходу перечислить достаточное количество офицеров, которым на Кавказе пришлось заново осваивать азы ведения военных действий. Среди таких офицеров генерал от кавалерии (с 1855 г.), генерал-адъютант (с 1839 г.) граф (с 1866 г.) Павел Христофорович Граббе (1789–1875), в контексте Кавказа привлекающий внимание своей деятельностью в период с 1838 по 1842 гг. на посту командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории.

П.Х. Граббе — своего рода очень примечательный и, я бы не побоялась сказать, уникальный представитель своего времени. Прожив долгую жизнь, он стал свидетелем и непосредственным участником многих внутри- и внешнеполитических событий конца XVIII века и преимущественной половины XIX столетия. Родившись в бедной дворянской семье, Павел Христофорович по стечению счастливых обстоятельств поступил в Сухопутный кадетский корпус. Получив образование, Граббе прошел боевое крещение в войнах третьей и четвертой антифранцузских коалиций. Незадолго до начала Отечественной войны являлся одним из первых военных агентов Российской империи, направленных в европейские посольства для собирания сведений военно-стратегического характера. Отличился в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Неоднократно рискуя своей жизнью, успешно исполняя поручения командующих, Граббе заслужил репутацию храброго и благородного офицера. Как писала одна из современниц, в армии ходила поговорка: «Он храбр, как Граббе!» [5, Л. 3–4]. Показательно, что в его служебном продвижении ключевую роль играли личные способности, таланты и заслуги. Участие Граббе в «Союзе спасения», «Союзе благоденствия» и «Южном обществе», его доверительные отношения с декабристами не смогли надолго закрыть ему продвижение по военной службе. Уже в 1828 г., в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Граббе командовал авангардом русских войск на территории Малой Валахии и исправлял должность начальника штаба Мало-валахского отряда. В апреле 1829 г. он принял командование Новороссийским драгунским полком.

В 1831 г. П.Х. Граббе стал начальником штаба 1-го пехотного корпуса. Образцовое состояние его воинских частей всегда высоко отмечалось Николаем I [6, Л. 12]. Постепенно Павел Христофорович восстановил свою репутацию в глазах императора, омраченную причастностью к деятельности тайных обществ.

Вершиной военной карьеры П.Х. Граббе стало его пребывание на Кавказе с 1838 по 1842 гг. С его именем связаны такие события, как взятие аула Ахульго и Ичкеринская экспедиция. В 1846 г., после трехлетнего пребывания в отпуске, вернулся на службу и был назначен начальником Особого отряда в северных комитатах Венгрии для охранения Западной Галиции и очищения от неприятеля горных комитатов. В 1854 г. по Высочайшему повелению Граббе (под главным начальством исправляющего должность кронштадтского военного генерал-губернатора) был назначен заведовать всей пехотой, составлявшей гарнизон крепости Кронштадт, с находившейся при ней артиллерией. В 1862 г. по ходатайству военного министра Д.А. Милютина занял пост наказного атамана Донского казачьего войска. В 1866 г. Граббе был возведен в графское достоинство и назначен членом Государственного совета.

Жизнь Павла Христофоровича насыщена событиями, которые он записывал в свою «Записную книжку» [2] и свои «Памятные записки» [7]. Во многом понять личность этого человека

позволяют его подробные записи, в частности, о его пребывании на посту командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории. Официальные документы (рапорты, предписания, донесения, журналы военных действий и др.) прекрасно дополняются источниками личного происхождения. «Памятные записки» Граббе можно отнести к мемуарным источникам, отражающим саморефлексию, самооправдание, осмысление автором событий прошлых лет. Что касается «Записной книжки», этот документ представляет собой дневниковые записи, запечатлевшие события, можно сказать, «в моменте».

Формирование П.Х. Граббе как видного военачальника эпохи прошло несколько этапов. От участия в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. до исполнения роли командира отдельного соединения в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и русско-польской войне 1831 г. До определения исхода военных событий на Кавказской линии и в Черномории (1838–1842 гг.) в качестве командующего войсками, во время Венгерского похода 1849 г. в лице командира Отдельного отряда, затем — администратора Области Войска Донского с пребыванием на посту наказного атамана Донского казачьего войска (1862–1864 гг.).

Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории

Говоря о Кавказе конца 1830-х – начала 1840-х гг., отмечу, что с ноября 1837 г. в личном составе Отдельного Кавказского корпуса произошли перемены, сказавшиеся на всех флангах Кавказской линии. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант барон Г.В. Розен покинул Кавказ, вместо него на должность командира Отдельного Кавказского корпуса был назначен генерал-лейтенант, генерал-адъютант Е.А. Головин. Перемены произошли также в личном составе Кавказского корпуса – начальником штаба назначен генерал-майор П.Е. Коцебу, командующим войсками на линии вместо почившего генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова – генерал-лейтенант П.Х. Граббе, начальником его штаба стал полковник А.С. Траскин. Фигура Головина стала для всех неожиданностью на месте Розена. Ситуация сложилась так, что Головин вместо действительного руководителя делами оказался в должности интенданта, выполнявшего распоряжение своего формального подчиненного генерала Граббе. Последний, в свою очередь, добился права «действовать независимо от распоряжений корпусного начальства» [8, Л. 26 об.; Л. 140 об.], фактически подменив Головина. Каждому из новых начальников потребовалось некоторое время для ознакомления с положением дел.

В применении к Кавказу основным врагом русских войск была целая совокупность факторов и условий, выразителем которых являлся имам Чечни и Дагестана Шамиль. С 1838 г. личность имама становится главной задачей русских войск на Кавказе. От этого преувеличенного взгляда на значение фигуры Шамиля следовал образ действий русских войск, имевших целью сокрушить власть имама. Генерал-лейтенант Е.А. Головин стремился «положить предел распространению власти и влияния Шамиля» и настаивал на необходимости применить «сильные меры», чтобы «уничтожить укрепленное жилище Шамиля на скале Ахульго» [9, Л. 51], являвшееся наряду с аулом Ашильта столицей горского государства в Дагестане. Под «сильными мерами» предполагалось нанесение весной 1839 г. сокрушительного военного удара по укреплению Ахульго. На полях рапорта Головина, рядом с этими строками, император Николай I собственноручно написал: «Покорение и усмирение Горного Дагестана, <...> равно необходимо, ибо без онаго, ни покоя, ни верного владычества иметь на Кавказе не можем» [Там же]. Следует отметить также, что военачальники, назначенные на высшие должности, практически не были подготовлены к условиям горной войны. Многим генералам, заслужившим превосходную репутацию в европейских войнах, не всегда удавалось успешно реализовывать свои планы на кавказском театре военных действий. Тем не менее, самая затяжная в истории императорской армии война сформировала особый тип офицера-кавказца, блестяще описанный русским поэтом М.Ю. Лермонтовым, например, в стихотворениях «Кинжал», «Кавказ», «Сон», «Черкесы», в «Герое нашего времени» и др. Отличительной чертой офицера-кавказца являлась приспособленность к жизнедеятельности на Кавказе: умение вести боевые действия в условиях пересеченной местности, знание культуры, быта, языка горцев. За продолжительный пе-

риод войны выросло несколько поколений офицеров, специализировавшихся на военных действиях в горных условиях. Среди них, безусловно, А.П. Ермолов, П.Х. Граббе, Ф.К. Клюки фон Клюгенау, М.С. Воронцов. Последний признавал, что кавказские сражения «превосходят все, что в европейской войне может быть известно» [Цит. по: 10, С. 122].

С именем Граббе на Кавказе связаны два знаменательных события в истории Кавказской войны. Осада и впоследствии захват аула Ахульго 22 августа 1839 г., экспедиция через Ичкеринский лес к Дарго/Ичкеринская экспедиция 1840–1842 гг., основные и трагические для русской армии сражения которой пришлось с 30 мая по 5 июня 1842 г. На примере этих двух сюжетов можно проследить, как менялся взгляд командующего восками на ситуацию в Северном Кавказе. Крах амбиций и желание идти вразрез с официальным Петербургом — основные две линии, красной линией пронизывающие человека, на котором лежала подготовка всех военных кампаний, преимущественно осуществлявшихся на левом фланге Кавказской линии. Если на подступах к Ахульго Граббе жаждал скорейшего и сокрушительного поражения Шамиля [2, С. 118], то впоследствии пришло осознание необходимости ожидания благоприятных условий для наступления [11, Л. 19]. Крах амбиций Граббе усиливался давлением со стороны официального Петербурга, который с нетерпением стремился завершить войну [Там же]. На вышеупомянутую перемену в Граббе оказали влияние несколько вещей. За одиннадцать недель сражений под стенами Ахульго убитыми и ранеными из строя вышло 117 офицеров и 2 800 нижних чинов. Для Кавказа такие потери были ощутимы. Добавлю, что, к сожалению, успех под Ахульго не был закреплен российским командованием, в горном Дагестане не было воздвигнуто новых укреплений [12, С. 193]. В результате Дагестан немедленно утратил внешнюю покорность, как только широкое восстание охватило соседнюю Чечню.

Сам Граббе, будучи ответственным за все военные действия, происходившие преимущественно в Чечне и Дагестане, ощущал на себе груз ожидания со стороны и официального Петербурга, и всего российского общества решительных действий против Шамиля. Случалось, что действия Павла Христофоровича противоречили друг другу: стараясь оттянуть время наступления в Чечню до зимы [8, Л. 141 об.], осенью 1840 г. Граббе жаловался Головину на бездействия генерал-лейтенанта А.В. Галафеева [8, Л. 142 об.], когда тот с марта по декабрь 1840 г. командовал Чеченским отрядом, заменяя Граббе.

Поражение Граббе в Ичкерии было крайне болезненно воспринято в Петербурге, Ичкеринская экспедиция до сих пор вспоминается темным пятном в боевой Кавказской летописи. Приказом военного министра Граббе и Головин были отстранены от должностей. Новым наместником Кавказа был назначен генерал от инфантерии, генерал-адъютант А.И. Нейдгардт, бывший московский генерал-губернатор, совершенно незнакомый с Кавказом. Очевидно, что подобная кадровая перестановка свидетельствует о растерянности официального Петербурга [13]. И только с середины 1850-х гг., с приобретенным опытом, наступления российской армии приобрели успех [14].

«Где я? что я? в какой глуши?» М.Ю. Лермонтов на Кавказе

Не раз Лермонтов и Граббе пересекались. Их взаимоотношения с некоторой стороны могли бы походить на теплые и дружеские отношения между Ермоловым и Граббе, если бы не трагическая смерть поэта.

Военную службу Михаил Юрьевич Лермонтов начал в звании унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка. Примерно через месяц был переименован в юнкера, обмундирован по форме своего полка и представлен его командиру. По окончании Юнкерской школы – Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров – произведен в корнеты и 7 декабря 1834 г. в Портретной галерее Зимнего дворца принес присягу «на верность службы».

Вечером 27 января 1837 г. по Петербургу разнеслась страшная весть о дуэли А.С. Пушкина. Последний читал некоторые стихи Лермонтова, признавая их блестящими признаками высокого таланта. Потрясенный Лермонтов в один присест с незначительными пометками и зачер-

киваниями написал первые 56 строк стихотворения «Смерть поэта». Стих многократно переписывался, за два-три дня он распространился по Петербургу. Добавление новых 16 строк в стихотворение заставили забурлить столицу с новой силой. Вскоре стихотворение читала и вся Москва. Шеф корпуса жандармов и начальник третьего отделения А.Х. Бенкендорф сообщил государю о событиях, происходивших в городе. Так, 27 февраля 1837 г. Высочайшим приказом Лермонтов был переведен из гвардии прапорщиком в армейский Нижегородский драгунский полк на Кавказ. 11 октября 1837 г. возвращен в гвардию, в Гродненский гусарский полк корнетом. В апреле 1838 г. Лермонтов был переведен в родной для него лейб-гвардии Гусарский полк, 6 декабря 1839 г. был произведен из корнетов в поручики (звания подпоручика в гвардии не имелось). 17 апреля 1840 г. был отдан приказ о переводе Лермонтова в Тенгинский пехотный полк. Так, Лермонтова вторично исключили из гвардии и, что особенно унижительно, его, кавалериста, на этот раз отправили в пехоту.

Простым пехотным боевым офицером Лермонтов снова на Кавказе. П.Х. Граббе под свою ответственность предложил Лермонтову не являться в пехотный полк, полагая, что кавалеристу в пехоте делать нечего. Он зачислил его адъютантом в штаб Чеченского отряда командира 20-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанта А.В. Галафеева [15]. Так, в июне 1840 г. Лермонтов уже был в крепости Грозная, а 6 июля выступил с отрядом в экспедицию на Малую Чечню [16, С. 42]. К этому времени относится также сражение под Валериком 11 июля 1840 г., в котором Лермонтов принял участие. В большом стихотворении «Валерик» наиболее полно и ярко отразились боевые впечатления поэта. Произведение стало развернутым описанием походной жизни и военных действий на Кавказе [17, С. 546].

П.Х. Граббе, всегда относившийся к Лермонтову с особой симпатией и не скрывавший этого, не мог нахвалиться им [18, С. 343]. Там, где требовалась разведка, посылался Лермонтов. Лермонтов со своим отрядом пробирался до самых аулов и нередко приводил горцев в смущение. Сам он увлекался походной жизнью: спал на земле, ел из общего котла, не брился (как, впрочем, и большинство). Граббе представил Лермонтова к исключительной награде – к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом [Там же, С. 43]. В боях с горцами Лермонтов отделился царапинами, но видел вблизи и смерть, и кровь, буквально потоки крови – когда вода в горной реке становилась красной («мутная волна была тепла, была красна»). Хотя Лермонтов ни в стихотворениях, ни в письмах не упоминает о роли, какую играл он лично в боях, но то, что он принимал в них активное участие, видно из донесения Галафеева к Граббе 8 октября 1840 г.: «Офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы» [19].

На этом боевые подвиги Лермонтова закончились. Когда отряд вернулся в крепость Грозная, в конце 1840 г. Лермонтову было разрешено на несколько месяцев приехать в Петербург. В конце того же года вышло первое издание стихотворений, в котором впервые напечатаны «Максим Максимыч» и «Княжна Мери». Говорить о возможной военной карьере Лермонтова трудно даже предположительно. Он собирался выйти в отставку, издавать свой журнал и писать большой роман из кавказской истории. Несмотря на оказанные отличия, Лермонтов не был удостоен боевых наград [20, С. 68].

В январе 1841 г. в Ставрополе, в доме Граббе с Лермонтовым познакомился инженер А.И. Дельвиц. «За обедом всегда было довольно много лиц, – пишет Дельвиц, – но в разговоре участвовали Граббе, муж и жена, Трескин, Лев Пушкин, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. <...> Лермонтова я увидел в первый раз за обедом 6-го января. Он и Пушкин много остро шутили с женою Граббе, женщиною небольшого ума и малообразованною» [21, С. 246]. В последний год жизни Лермонтов подружился на Кавказе с Львом Сергеевичем Пушкиным, младшим братом А.С. Пушкина, который, будучи юнкером «лермонтовского» Нижегородского полка, участвовал в персидской войне. В ходе бесед Лермонтов узнал о неосуществившемся замысле А.С. Пушкина написать историю ермоловских войн на Кавказе. Очевидно, что собственный замысел Лермонтова представляет своего рода эстафету, принятую от Пушкина.

«Кавказца» и «Спор» Лермонтов написал после свидания с А.П. Ермоловым, которое состоялось зимой 1841 г. Об этом свидании свидетельствует черновое письмо, помеченное 15 марта 1841 г., Граббе к Ермолову [22, С. 107]. Из письма следует, что Лермонтов ехал в Москву к Ермолову с письмом от Граббе. Так, Лермонтов принимал участие в неофициальных сношениях Граббе с Ермоловым.

В документах Тенгинского пехотного полка фамилия поэта в последний раз упоминается в приказе № 302 от 1 ноября 1841 г. На сообщение полковника Траскина об обстоятельствах дуэли и смерти Лермонтова П.Х. Граббе отвечал ему: «... Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти. Что касается до его убийцы, пусть на место всякой кары он продолжает носить свой шутовской костюм» [1, С. 229].

Материалы военно-судного дела содержат помимо приговора (доклада) мнение о наказании виновных командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта П.Х. Граббе от 7 ноября 1841 г. и командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта Е.А. Головина от 21 ноября 1841 г. Однако согласно установленному порядку, окончательное решение о наказании лиц, участвовавших в дуэли (конфирмация), принимал император. О результатах рассмотрения судом дела о состоявшейся дуэли докладывал императору начальник Аудиторского департамента Военного министерства — генерал-аудитор.

В состав следственной комиссии, назначенной П.Х. Граббе, под руководством плац-майора подполковника Ф.Ф. Унтилова о расследовании обстоятельств дуэли вошли представители как военных, так и гражданских властей. Непосредственное руководство в организации рассмотрения дела принял начальник штаба полковник, флигель-адъютант А.С. Траскин. Не зная, как посмотрят на состоявшуюся дуэль в Петербурге, он лично поспешил в Пятигорск, чтобы на месте узнать о причинах дуэли и степени виновности ее участников, распорядиться произвести формальное расследование дела комиссией как можно быстрее, что при существовавших тогда порядках являлось нетипичным. В состав следственной комиссии входил также подполковник корпуса жандармов А.Н. Кушинников, осуществлявший по заданию Бенкендорфа секретный политический надзор за офицерами на Кавказе. Именно эти лица устанавливали фактические обстоятельства произошедшей дуэли [23, С. 24]. Военный суд длился с 27 по 30 сентября 1841 г., а 7 ноября Граббе послал Головину «военно-судное дело» и свое «мнение командующего войсками на Кавказской линии и Черномории» по поводу приговора. Согласно выписке из 1-й книги 5-й части Свода военных постановлений об участниках дуэли и их секундантах, участников дуэли должны были лишиться всех прав и состояния, отправить в ссылку на каторжную работу. Однако Граббе вынес мягкий приговор в виде лишения чина и дворянского достоинства, ссылаясь на славную службу отставного майора Н.С. Мартынова и поручика, секунданта Лермонтова М.П. Глебова.

Заключение

Кавказский хребет, протянувшийся на 1.100 км от Черного до Каспийского моря, служит границей между Европой и Азией. С глубокой древности Кавказский регион — одновременно и разделительная преграда, и соединяющий мост для разных по духу и культуре цивилизаций. Пограничное положение этой своеобразной контактной зоны между двумя мирами, Западом и Востоком, предопределило здесь чрезмерную концентрацию элементов исторического наследия. Памятное 160-летие завершения Кавказской войны позволяет вновь обратиться к известным сюжетам этого знаменательного события и, возможно, взглянуть на них с иной стороны. Многолетний опыт пребывания русских на Кавказе, наступления удачные и неудачные, ошибки в планах, повторявшиеся одни за другими, — все это наконец дало свой результат. Изучение Кавказской войны неотделимо от людей, принимавших в ней участие, от тех, кто был простым рядовым, или офицером, или представителем высшего командования. Крушение надежд, лишение постов и гибель многих — перечисленное неизменно затрагивается в ходе исследования, посвященного Кавказской войне.

Библиография

1. Из записок М.П. Погодина о Ермолове // Русский вестник, 1864. Кн. 8.
2. Граббе П.Х. Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888.
3. Лермонтов М.Ю. Валерик. 1840.
4. Журнал действиям Чеченского отряда с 30 мая по 8 число июня // Журналы военных действий Чеченского и Дагестанского отрядов. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 262
5. Письмо А.П. Глинки П.Х. Граббе // РГИА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 50.
6. РГВИА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Письма Петра и Алексея Петровича Ермоловых к Граббе П.Х. о конном заводе, об отношении Николая I к Граббе, с характеристикой Головина, о боевых действиях на Кавказе, о Данилевском М., с рекомендациями.
7. Граббе П.Х. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873.
8. РГВИА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 23. Письма Головина Е.А. к Граббе П.Х. о делах на Кавказе, о боевых действиях на Северном Кавказе.
9. Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса ген.-л. Головина военному министру ген.-ад. гр. Чернышеву, 21 марта 1839 г. // РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1.
10. Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова 1844–1854 годы.: дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2014.
11. РГВИА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5. Материалы по службе Граббе П.Х. на Кавказе, в Польше, Венгрии и Кронштадте /донесения о взятии горцами форта Лазарева и о летучей почте из Ставрополя, приказ по войскам Чеченского отряда от 24 мая 1841 г. о Салатовской экспедиции, распоряжение о приостановке строительства полицейского дома в Ставрополе, аттестаты на офицеров войск Кавказской линии, отчет варшавского доктора Очаковского о холере, список на награждение чинов отряда Граббе в Венгрии, приказы кронштадтского военного генерал-губернатора № 15, 23, 73–80 от 17 апреля – 17 ноября 1854 г./ Высочайший указ о назначении Граббе членом Комитета 18 августа 1814 г., от 18 февраля 1852 г.
12. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель и воин. М., 2001.
13. Лисицына Г.Г. Поход гр. М.С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год). Приложение // Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000.
14. Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007.
15. Отношение из Штаба войск Кавказской линии и Черномории от 11 ноября 1840 года, № 21935 (ЦГАЛИ).
16. Замечательные люди всего мира. Описание их жизни и деятельности / Под ред. А.Е. Зарина. М., 1915.
17. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
18. Висковатый П.А. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.
19. Реляция генерал-лейтенанта Галафеева. Из дела штаба отдельного Кавказского корпуса 1840 г. № 171. Ч. 1.
20. Скабичевский А.М. М.Ю. Лермонтов, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1912.
21. Дельвиг А.И. Мои воспоминания. СПб., 1913. Т. 2.
22. Письмо П.Х. Граббе к А.П. Ермолову от 15 февраля 1840 г. из Ставрополя // Алексей Петрович Ермолов. Материалы для биографии, его рассказы и переписка. / Русская старина, 1896, № 10.
23. Нечаева В.С. Суд над убийцами Лермонтова («Дело штаба Отдельного Кавказского Корпуса») и показания Н.С. Мартынова // М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., 1939.

**THE CAUCASIAN WAR OF THE LATE 1830S – EARLY 1840S IN SOME PERSONS
(THE COMMANDER OF THE TROOPS P.H. GRABBE AND M.Y. LERMONTOV IN THE
CAUCASUS)**

Klevenskaya E.S.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article deals with the Caucasian war of the late 1830s – early 1840s, mainly related to personalities whose stay in the Caucasus was not only an important stage in their lives, but also influenced some plans on Caucasus by official St. Petersburg and, on the other hand, the Russian literature of the XIX century. The article is mainly dedicated to the commander of the troops on the Caucasian line and in Chernomoria, general P.H. Grabbe (from 1838 to 1842) and the Russian poet M.Y. Lermontov when he was in the Chechen detachment (from 1840 to 1841). The article pays special attention to the military operations of Russian troops in the North Caucasus (in Dagestan and Chechnya), changes in the understanding of the tactics, the relationship between Grabbe and Lermontov, which became trusted over time and tragically ended because the death of a “man with talent” in a duel.

Keywords

Caucasian war, Grabbe, Lermontov, North Caucasus, Dagestan, Chechnya, Akhulgo village, Ichkerin expedition, Valerik